Бречкевич, М.В.
О словянах и их
соседях...

Ц 49/186

И 42
186

М. В. Бречкевичъ.

О славянахъ и ихъ сосѣдяхъ въ древнѣйшее время.

Сравнительный обзоръ характерныхъ чертъ тѣхъ и другихъ при первомъ ихъ выступленіи въ исторіи.

Вступительная лекція.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.
1913.

[illegible]

И 42/186

М. В. Бречкевичъ.

О славянахъ и ихъ сосѣдяхъ въ древнѣйшее время.

Сравнительный обзоръ характерныхъ чертъ тѣхъ и другихъ при первомъ ихъ выступленіи въ исторіи.

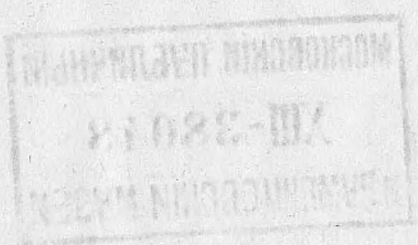
Вступительная лекція.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ
ХШ-38048

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.
1913.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ С. Шестаковъ.



Древняя исторія почти всякаго народа мало извѣстна. Лишь изрѣдка, если образованіе какой національности происходитъ сравнительно въ позднее время (напр., англійскаго народа), историкъ можетъ болѣе или менѣе уяснить себѣ происхожденіе этой національности и ея начальныя судьбы. Во всѣхъ другихъ случаяхъ источники для древнѣйшей исторіи народа очень скудны.

Но едва ли для исторіи другого какого-либо народа у насъ имѣется такъ мало свѣдѣній, какъ мало мы ихъ имѣемъ для древнѣйшей исторіи славянъ. Точныя свѣдѣнія о нихъ начинаютъ появляться только съ VI вѣка. Въ ту пору они, по показаніямъ Іордана, Прокопія и др., оказываются чрезвычайно многочисленными; занимали они очень обширное пространство отъ Балканскаго полуострова до Балтійскаго моря, и на востокъ, на юго-западѣ нынѣшней Россіи. Главнѣйшимъ поводомъ для писателей VI в. говорить часто о славянахъ послужили нападенія славянъ на имперію. „Римляне узнали о славянахъ, потому что они пришли и разбили ихъ легіоны“, говоритъ Карамзинъ. Дѣйствительно, частыя нападенія славянъ ставили Византійскую имперію въ очень затруднительное положеніе. Славяне опустошали всю имперію, проходя до Константинополя и до Мореи, осаждали и брали города, оставались для поселенія внутри имперіи. Понятно, что византійскіе писатели и историки заговорили о славянахъ.

Но изъ предшествующихъ вѣковъ о славянахъ никакихъ почти извѣстій нѣтъ. Не было извѣстно до того времени и самое имя славянъ. Греческіе и римскіе писатели упоминали лишь изрѣдка и кратко о какихъ-то „венетахъ“. Этихъ-то венетовъ историки съ полнымъ основаніемъ считаютъ славянами.

Молчаніе источниковъ о славянахъ за время предшествующее шестому вѣку само по себѣ ничего особеннаго не представляетъ; вполнѣ естественно, что одинъ народъ раньше дѣлается извѣстнымъ исторіи, другой—позже. Но въ отношеніи къ славянамъ вотъ что странно и малопонятно: если въ VI в. славяне являются уже народомъ многочисленнымъ или—по выраженію современника—„безчисленнымъ", если они занимали огромныя пространства отъ Эльбы до Дона и отъ Балканскаго полуострова до верховьевъ Волги, то какъ могли ихъ проглядѣть предшествующіе писатели и историки? Вѣдь славяне не были народомъ кочующимъ и жили тамъ не со вчерашняго дня. Писатели греческіе и римскіе, которые въ одинъ голосъ признаютъ славянъ необычайно многочисленными, упоминаютъ неоднократно о тѣхъ самыхъ земляхъ, на которыхъ потомъ оказываются осѣдлыми славяне; и хотя въ началѣ населеніе этихъ земель является съ миѳическими чертами (какъ напр., у Геродота) и даже такой выдающійся писатель, какъ Плиній, передаетъ слухи о фанезіяхъ, нагихъ людяхъ, которые прикрывали свое тѣло длинными ушами,—все-таки писатели даютъ и болѣе точныя свѣдѣнія относительно тѣхъ земель и даже относительно ихъ населенія. Но на тѣхъ земляхъ они помѣщаютъ не славянъ, а разные другіе народы: скиѳовъ, сарматовъ, языговъ, и т. д. О томъ, гдѣ жили и какъ жили славяне,—писатели ничего не говорятъ, и самое имя ихъ имъ неизвѣстно;—и это въ ту пору, когда тогдашній культурный міръ уже д о л ж е н ъ былъ слышать и знать что-нибудь о славянахъ,—хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, хоть то, напр., гдѣ они жили. Но славяне какъ бы не существуютъ для писателей до VI в. Чѣмъ объясняется такое игнорированіе многочисленнаго и осѣдлаго народа, не удаленнаго отъ границъ имперіи?

Этого игнорированія или незнанія славянъ нельзя счесть явленіемъ только случайнымъ. Даже племена, во много разъ меньшія славянъ по количеству, съ небольшою территоріей, а то и безъ всякой опредѣленной территоріи, съ кочевыми привычками, давали о себѣ знать раньше и настойчивѣе, скорѣе, чѣмъ славяне. Если этихъ послѣднихъ не знали и не замѣчали, то не только потому, что пытливость культурнаго міра не была направлена въ ихъ сторону. Важную роль здѣсь игралъ и характеръ самихъ славянъ, особенность ихъ поведенія.

Характеръ славянъ давно уже былъ предметомъ изложенія и спора среди историковъ и писателей. Высказывалось и довольно долго держалось въ славянской наукѣ мнѣніе объ ихъ кроткомъ пассивномъ характерѣ. Въ противовѣсъ этому мнѣнію лѣтъ двадцать тому назадъ Собѣстіанскій въ своей диссертаціи старался доказать нѣчто противоположное По его мнѣнію, „славяне были народъ воинственный, предпріимчивый и жестокій“ и „ни о какихъ коренныхъ отличіяхъ древне-славянскаго характера и юридическаго быта не можетъ быть и рѣчи“.

Вопросъ о національномъ характерѣ—вопросъ спорный, трудный и мало плодотворный. Такому или иному уясненію этого вопроса, какъ и всякаго другого, должно предшествовать изученіе фактовъ. Въ настоящій часъ предметомъ моей рѣчи будутъ не какія-либо преждевременныя обобщенія, а указаніе на тѣ фактическія особенности, которыя проявились при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ и которыя ярче всего проступаютъ изъ сравненія славянъ съ ихъ сосѣдями—гуннами, аварами и особенно—германцами. Особенности эти обнаруживались главнымъ образомъ на ихъ политической жизни и дѣйствіяхъ, на юридическомъ бытѣ и на ихъ религіозной жизни.

Нашествія славянъ на Византійскую имперію начинаются съ VI в. и именно—съ начала царствованія императора Юстиніана. Дотолѣ имперія испытала немало другихъ нашествій. Германскія племена, а также гунны не разъ вторгались въ имперію, частію съ тѣмъ, чтобы пограбить, а частію и съ болѣе опредѣленными намѣреніями или требованіями: хорошихъ земель для поселеній, опредѣленной суммы денегъ, опредѣленныхъ предметовъ, титуловъ и почестей, и т. п. Исторія ихъ нашествій показываетъ, что они знаютъ, куда они идутъ, знаютъ, чего они хотятъ.

Славяне при своихъ нашествіяхъ также грабили. Но даже эта простая цѣль достигалась ими крайне неразсчетливо. Они грабили изъ года въ годъ почти однѣ и тѣже мѣстности, а потомъ въ концѣ концовъ и сами поселялись тамъ. Не было ни категорическихъ требованій объ отводѣ имъ земли, ни настойчиваго требованія ежегодной дани, ни стремленія завоевать страну и прежнее населеніе ея обратить въ своихъ подчиненныхъ, ни планомѣрныхъ походовъ съ цѣ-

лію принудить враговъ къ сдачѣ или подчиненію, ни единодушія и согласованности въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ, ни, наконецъ, пощады и охраны тѣхъ земель, которыя избраны были ими для поселеній. Разбившись на отдѣльные отряды, даже шайки, они грабятъ то тамъ то сямъ, переходя съ мѣста на мѣсто безъ опредѣленнаго плана и системы, то останавливаясь и осѣдая на болѣе продолжительное время, то снимаясь и бродя по разнымъ направленіямъ.

Такой врагъ былъ Византіи не особенно страшенъ. Врагъ этотъ былъ, правда, многочисленнымъ и сильнымъ (при условіи единства), и Византія на первыхъ порахъ сильно обезпокоилась. Она начала было развивать лихорадочную дѣятельность для борьбы съ нимъ; она напрягала до крайности свои платежныя силы, и императоръ Юстиніанъ прославился постройкою множества крѣпостей у Дуная для отраженія сѣверныхъ варваровъ.

Но когда византійцы замѣтили указанныя свойства славянъ, поняли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, то они перестали обращать на нихъ много вниманія. Византійцы, конечно, возмущались вторженіями и самовольными поселеніями славянъ, писатели отводили душу, обзывая ихъ бранными словами и эпитетами („проклятые“, „глупые“ и т. д.). Словами не всегда ограничивались; часто снаряжались и отправлялись на славянъ и военныя силы, или лучше сказать—часть военныхъ силъ. Главныя военныя силы посылались на отдаленныя предпріятія. Но кампаніи противъ славянъ не разъ бывали нѣсколько своеобразны. Славяне не торопятся при своихъ вторженіяхъ, идутъ себѣ своимъ путемъ, часто останавливаются. При остановкахъ славянъ преслѣдующее ихъ византійское войско также немедленно останавливалось, какъ бы выжидая, пока славяне тронутся въ путь, чтобы и ему послѣдовать за ними. При этомъ византійскіе вожди иногда громко жалуются, что славяне не хотятъ вступать въ битву.

Съ фактомъ славянскихъ поселеній въ предѣлахъ имперіи пришлось примириться. Масса славянъ осѣла на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, безъ предварительныхъ договоровъ или спеціальныхъ на каждый случай разрѣшеній, и прежнему населенію пришлось волей-неволей потѣсниться, а правительству—вырабатывать новый modus vivendi. Византійское правительство, а раньше — римское, почти съ самаго

начала христіанской эры не заботились о чистокровности своихъ гражданъ. И разъ славяне не собирались разрушать имперію и создавать свою, византійское правительство въ принципѣ ничего не имѣло противъ славянскихъ поселеній, какъ оно ничего не имѣло противъ многихъ другихъ инородческихъ поселеній.

Оказавшись неспособными къ организаціи господства надъ занимаемою страною, или къ организаціи хоть грабительскихъ нашествій, славяне оказались еще менѣе способными образовать государство. Сосѣди славянъ — гунны, германцы, авары, давно уже образовали у себя примитивныя государства - монархіи. Одни изъ этихъ государствъ существовали сравнительно недолго, иныя объединялись, а нѣкоторыя, какъ напр., франкское, оказались особенно долговѣчными.

Не то у славянъ. Не имѣя опредѣленныхъ цѣлей и заранѣе обдуманныхъ плановъ, которые бы согласно и послѣдовательно приводились въ исполненіе, они, понятно, мало способны были своими силами основать государство. Притомъ же весь ихъ бытъ, родовой и демократическій, не совмѣстимъ былъ съ понятіемъ государства, хотя бы и примитивнаго. Сплоченность и единеніе славянамъ никогда не давались. И только въ самомъ крайнемъ случаѣ, во время чрезмѣрнаго порабощенія и угнетенія аварами въ началѣ VII в. славянскія племена возлѣ нынѣшней Чехіи объединились подъ главенствомъ нѣкоего Само. Объ этомъ князѣ хроника такъ называемаго Фредегара свидѣтельствуетъ, что онъ былъ по происхожденію франкскій купецъ. Вѣрно ли это было или нѣтъ (имѣются нѣкоторыя данныя и въ пользу того мнѣнія, что Само былъ славянинъ), во всякомъ случаѣ государство его было лишь эфемернымъ. По смерти Само оно безслѣдно разсыпалось, хотя онъ и оставилъ многочисленное потомство (сыновей однихъ—22), и самые разсказы объ этомъ государствѣ являются крайне блѣдными и полумиѳическими.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ паденія государства Само возникло у славянъ второе государство, а именно — болгарское. Но и оно, подобно первому, возникло не самобытно, не путемъ органическимъ, а благодаря внѣшнимъ условіямъ. Извѣстно, что древніе болгары—племя не славянское, а финно-тюркское. Оно, во главѣ съ Аспарухомъ, подчинило себѣ нѣсколько славянскихъ племенъ и образовало крѣпкое госу-

дарство на берегахъ нижняго Дуная. Вѣка два держалось различіе между побѣдителями и побѣжденными. Побѣжденные были многочисленнѣе, и когда мало-по-малу различіе между тѣми и другими сгладилось, то это произошло въ томъ смыслѣ, что побѣдители ославянились.

Подобный же процессъ можно наблюдать и у восточныхъ славянъ, которые значительно позже образовали русское государство. Здѣсь также пришлый, иноплеменный варяжскій элементъ послужилъ спайкою, необходимою для государственнаго единенія. Только здѣсь этого иноплеменнаго элемента было гораздо меньше, чѣмъ въ Болгаріи, и процессъ его ославяненія совершился еще быстрѣе.

Итакъ, три наиболѣе раннія государства славянскія образовались при помощи или подъ вліяніемъ иноземнаго элемента. Остальныя славянскія племена (поляки, чехи, сербы, хорваты и др.) образовали государства болѣе самобытно и путемъ органическаго развитія, но въ среднемъ, по меньшей мѣрѣ, вѣковъ на пять позже, чѣмъ ихъ сосѣди.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе политическихъ дѣйствій славянъ, ихъ нашествій и ихъ первичныхъ государственныхъ формацій убѣждаетъ насъ въ томъ, что имъ недоставало предусмотрительности, дальновидности, послѣдовательности, пониманія собственныхъ выгодъ, что они были мало способны къ организаціи.

Юридическія нормы у первобытныхъ народовъ вообще не отличаются ни точностію ни полнотою. Но уже одно то, что варвары-германцы довольно рано стали записывать свои обычаи, свои „правды“, дѣлали потуги къ созданію возможно лучшихъ уголовныхъ и даже гражданскихъ правовыхъ писаныхъ нормъ, замѣтно отличаетъ ихъ отъ славянъ. Главное же —германцамъ видимо въ большей степени свойственно было стремленіе закрѣпить навсегда, обезпечить свои интересы и поставить границы посягательствамъ чужихъ людей; а это стремленіе и составляетъ, какъ извѣстно, наиболѣе надежную базу для развитія права.

У славянъ наблюдается нѣчто другое. Ихъ отличаетъ полнѣйшее неумѣнье или нелюбовь точныхъ юридическихъ формулировокъ. Они и страдали не разъ отъ этого, и все же оставались неисправимы. Въ исторіи одной, напр., группы славянства, именно—балтійско-поморской, наблюдается стран-

ное явленіе. Исторія поморянъ до XII вѣка темна, но отъ XII и XIII вв. сохранилось довольно много свѣдѣній—повѣствовательныхъ, а также нѣсколько сотенъ грамотъ. И вотъ относительно соціальнаго строя поморянъ XII — XIII в. возникъ вопросъ: свободно ли было сельское и городское славянское населеніе или нѣтъ. Большинство изслѣдователей (нѣмцы) безповоротно убѣждено въ томъ, что, кромѣ знатныхъ людей, не было въ Поморьѣ ни одного свободнаго славянина. А для меньшинства изслѣдователей нѣтъ никакого сомнѣнія, что среди поморскихъ славянъ не было ни крѣпостничества, ни рабства (поскольку рѣчь не идетъ о военноплѣнныхъ).

Удивительнѣе всего здѣсь то, что ни тѣ ни другіе изслѣдователи не могутъ представить въ доказательство своего мнѣнія очевидныхъ и безспорныхъ доказательствъ изъ источниковъ. Славяне не имѣли обычая ограждать свои имущественные интересы и самую свободу свою актами и формальными документами, даже тогда, когда увидѣли на переселенцахъ изъ Германіи достаточно примѣровъ такой юридической защищенности. И они скоро поплатились за это, такъ какъ землю ихъ стали трактовать, какъ res nullius, а ихъ самихъ—какъ рабочій и податной придатокъ къ этой землѣ.

Та же заботливость не только обезпечить свои интересы, но и всячески умножить свои выгоды, сказывается, напр., на такъ называемомъ береговомъ правѣ въ средніе вѣка. По этому праву владѣлецъ берега присваивалъ себѣ все, что только попадало на берегъ или у берега послѣ кораблекрушенія, живое и мертвое: корабль, снасти, грузъ, люди и все, что на нихъ или съ ними,—все становилось собственностію землевладѣльца. Живыхъ обращали въ плѣнниковъ, а съ мертвыхъ стаскивали все, что имѣло какую-нибудь цѣну, и трупы отдавали за выкупъ родственникамъ, если такіе находились. Болѣе предпріимчивые владѣльцы береговъ давали фальшивые сигналы мимо плывущимъ кораблямъ, зажигали ложные огни, чтобы устроить кораблекрушеніе. Можно было считать почти гуманными тѣхъ, которые только заказывали молебны о ниспосланіи Божьяго благословенія ихъ берегу, иначе говоря, молились о возможно бо́льшемъ количествѣ кораблекрушеній возлѣ ихъ берега.—Слабый отзвукъ этого берегового права, въ наиболѣе безобидной его формѣ, и доселѣ еще сохранился въ Остзейскихъ губерніяхъ, составляя одну изъ привилегій нѣмецкихъ

помѣщиковъ, въ отличіе отъ обще-имперскаго законодательства.

У славянъ не было ничего подобнаго. Изслѣдователи справедливо отмѣчаютъ, что чувство гуманности и гостепріимство не допускали древнихъ славянъ до того, чтобы пользоваться чужой бѣдой, возводить это пользованіе въ правило и въ право и тѣмъ болѣе—искусственными мѣрами подстраивать такую бѣду.

Итакъ, въ юридическомъ отношеніи славянъ отличало отъ ихъ сосѣдей — германскихъ племенъ (правовыя отношенія другихъ сосѣдей древнихъ славянъ мало извѣстны) отсутствіе точныхъ юридическихъ опредѣленій, нежеланіе или неумѣніе создавать эти опредѣленія, расплывчатость отношеній, а также—отсутствіе системы, послѣдовательности и грубой настойчивости въ исканіи повсюду и отстаиваніи своихъ интересовъ въ ущербъ чужимъ.

Наиболѣе наглядно обнаружились особенности славянъ по сравненію съ ихъ ближайшими сосѣдями—германцами на почвѣ религіозной, по случаю принятія христіанства. Хлодвигъ, котораго преданія и послѣдующія поколѣнія хотятъ представить христіаниномъ, на дѣлѣ остался прежнимъ язычникомъ, несмотря на принятіе христіанскихъ обрядовъ. Излишне перечислять здѣсь, сколько родственниковъ и сосѣднихъ князей онъ коварно и измѣннически перебилъ то собственноручно то черезъ своихъ людей, чтобы овладѣть землями и имуществомъ убитыхъ. Григорій Турскій замѣчаетъ, что, кромѣ описанныхъ въ его книгѣ убійствъ, Хлодвигъ совершилъ еще много и другихъ, которыя остались неупомянутыми. Хлодвига безпокоило въ концѣ концовъ только одно: не осталось ли еще какого родственника въ живыхъ. Григорій Турскій замѣчаетъ: „Хлодвигъ, собравъ однажды своихъ, съ сожалѣніемъ вспомнилъ о родственникахъ, которыхъ самъ же погубилъ. Горе мнѣ, говорилъ онъ, я остался, какъ странникъ среди чужой земли, и не имѣю родственниковъ, которые могли бы мнѣ помочь въ случаѣ несчастія! Но это не значило, — прибавляетъ Григорій Турскій, — что онъ былъ опечаленъ ихъ смертію; говорилъ онъ такъ только потому, что разсчитывалъ узнать, не остался ли еще кто-нибудь въ живыхъ, чтобы умертвить всѣхъ до послѣдняго.“ Сыновья и вообще потомки Хлодвига усвоили его пріемы по

отношенію къ родственникамъ и богатымъ людямъ. Нѣкоторые и превзошли его злодѣйствами.

Иную картину мы видимъ у славянъ. Не то, чтобы тамъ убійствъ и преступленій не было по принятіи христіанства. Дѣло не въ преступленіяхъ и даже не въ количествѣ преступленій, хотя и оно, при равныхъ условіяхъ, у славянъ было меньшимъ, чѣмъ у ихъ сосѣдей. Но весьма важно то, что цѣлый рядъ убійствъ, совершенныхъ франкскимъ королемъ въ глазахъ франковъ-христіанъ и франкской церкви вовсе и не были преступленіями. Вотъ что, напр., прибавляетъ Григорій, епископъ Турскій, послѣ разсказа о томъ, какъ Хлодвигъ коварно убилъ сначала Зигберта, короля рипуарскихъ франковъ, а потомъ его сына, и овладѣлъ ихъ имуществомъ. „Каждый день поражалъ Господь враговъ Хлодвига его рукою и увеличивалъ его владѣнія, потому что Хлодвигъ обращался съ чистымъ сердцемъ къ Богу и исполнялъ то, что было ему пріятно.“

Исторія знаетъ преступленія и въ средѣ славянскихъ христіанскихъ князей. Но какъ къ нимъ отнеслось славянское христіанское общество и славянская христіанская церковь? Убійцы, хотя бы изъ среды князей, клеймились позоромъ среди славянъ, и самое имя ихъ переходило къ потомству съ соотвѣтствующею назидательною кличкою. А жертвы ихъ по мѣрѣ возможности окружались ореоломъ мученичества и святости. Князь Святополкъ Владимировичъ, напр., не совершилъ и пятой доли того, что насчитывалось за Хлодвигомъ. А между тѣмъ его прозвище „окаянный“ осталось грознымъ предостереженіемъ на все послѣдующее время. Убитые по его приказанію Борисъ и Глѣбъ признаны были святыми. Покинутъ былъ всѣми и изгнанъ изъ страны Болеславъ II Смѣлый польскій послѣ убійства Станислава; а Станиславъ сталъ святымъ и патрономъ всей Польши. Жертва Болеслава I чешскаго князь Вячеславъ признанъ былъ также святымъ. На имя и память Стефана Душана, лучшаго и самаго знаменитаго короля Сербіи, народная молва набросила темное пятно, безъ достаточнаго основанія приписавъ ему участіе въ задушеніи отца. А мнимая жертва его, ничѣмъ особеннымъ не отличившійся Стефанъ Дечанскій, сталъ въ глазахъ народа кралемъ-мученикомъ и причисленъ церковью къ лику святыхъ.

Таково отношеніе къ преступленіямъ. Но и въ общемъ отношеніи къ религіи и церкви видны отличія. Тѣ же франкскіе короли вовсе не помышляютъ о какихъ-либо коренныхъ перемѣнахъ въ своей политикѣ, какъ и въ жизни, по случаю принятія христіанства. Правда, они не думаютъ обострять своихъ отношеній къ церкви, какъ къ цѣлой организаціи, или вызывать какой-либо конфликтъ. Они даже охотно соглашаются съ нею во всемъ, что для нихъ безразлично, и спокойно дѣлаютъ по-своему во всемъ остальномъ. Правительство не задумалось даже отобрать имѣнія церковныя, посадить для управленія по монастырямъ и аббатствамъ грубыхъ и безнравственныхъ воиновъ, и церковь должна была съ этимъ примириться.

Для славянъ христіанство и церковь, говоря въ общемъ, значили нѣчто иное. Болгарскій царь Борисъ по принятіи христіанства окончательно прекратилъ вѣковую войну съ Византіей,—изъ уваженія къ мѣсту, откуда вышли наставники христіанства. Если Симеонъ, его преемникъ, долженъ былъ черезъ двадцать лѣтъ возобновить эту войну, то въ этомъ, по признанію историковъ, кругомъ виновата была сама же Византія. Хорваты и сербы, по мысли Костантина Багрянороднаго, послѣ поселенія своего и принятія христіанства стали вѣрными защитниками имперіи. Балтійскіе поморяне, съ которыми въ языческую пору трудно было справиться ихъ болѣе сильнымъ сосѣдямъ, по принятіи христіанства сразу и окончательно затихаютъ. Съ ними обращаются, какъ съ людьми зависимыми, берутъ ихъ земли, оттѣсняютъ ихъ изъ городовъ; и со стороны вытѣсняемыхъ не слышно о какомъ-либо сопротивленіи или протестѣ.

Вообще вліяніе христіанства въ славянской странѣ тѣмъ очевиднѣе для историка, чѣмъ болѣе сохранилось источниковъ изъ времени принятія христіанства. Такъ, крещеніе Руси нѣсколько болѣе извѣстно, чѣмъ крещеніе другихъ славянъ;—и вліяніе христіанства констатируется легче. Владиміръ сильно измѣнился послѣ крещенія; проникаясь все болѣе и болѣе христіанскою нравственностію, онъ прекратилъ-было примѣненіе смертной казни даже за тягчайшія преступленія и замѣнилъ ее штрафами.

Тогда стали говорить Владиміру епископы (не-славяне): „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“ Князь

отвѣчалъ: „боюсь грѣха“. Но епископы-греки поучали князя: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ“. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойниковъ.

Какого бы мнѣнія мы ни были о смертной казни и ея соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи христіанству, несомнѣнно, что на кіевскаго князя христіанство оказало вліяніе болѣе глубокое и сильное, чѣмъ ожидали и желали его просвѣтители-греки.

У славянъ въ общемъ замѣчается сравнительно большее желаніе проникнуться, сблизиться, сродниться съ христіанскою религіею. Этимъ собственно и объясняются ихъ стремленіе къ національному языку въ богослуженіи, къ національной церкви. Насколько дорога была эта церковь для нихъ, это лучше всего видно на исторіи тѣхъ славянъ, у которыхъ ее отнимали, т. е. отчасти у чеховъ и въ особенности у хорватовъ. Много нужно было въ теченіе вѣковъ римскому духовенству составлять соборовъ, примѣнять наказаній и изрекать проклятій, чтобы искоренить употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи. Не остановились предъ опороченіемъ дѣятельности Меѳодія, которую въ свое время одобрялъ папа. На Сплѣтскомъ соборѣ 1059г. говорили, что готскія (=славянскія) письмена изобрѣтены какимъ-то еретикомъ Меѳодіемъ, который на этомъ языкѣ написалъ много ложнаго, уклоняющагося отъ правилъ католической вѣры. Особенно трогательна исторія Ульфа и Цеседы, которые довѣрчиво обращались къ папѣ, прося его разрѣшенія на употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи. Къ сожалѣнію, исторія эта извѣстна только по разсказу яраго противника славянской народности. Но и онъ вѣрно передаетъ участь этихъ двухъ приверженцевъ національной церкви: Ульфъ былъ избитъ, обезчещенъ и брошенъ навѣки въ тюрьму, а Цеседу „папа велѣлъ проклинать не только въ римской, но и въ сплѣтской церкви и во всей странѣ“.

Итакъ, перемѣна религіи обнаружила въ славянахъ бо́льшую, сравнительно съ ихъ сосѣдями, мягкость, бо́льшую готовность поступаться своими ближайшими интересами, бо́льшую уступчивость.

Въ общемъ же, славяне, поскольку по разнымъ поводамъ обнаружили древнѣйшіе источники, оказались съ такими качествами, которыя не внушали сосѣдямъ большихъ заботъ или

безпокойства: отсутствіе общихъ плановъ съ посягательствомъ на чужія владѣнія, отсутствіе сплоченности и внутренняго порядка, наклонность къ уступкамъ (если не происходило сосѣдскаго взаимнаго ожесточенія).

Понятно, что, хотя славяне могли сидѣть и сидѣли цѣлыми вѣками неподалеку отъ культурнаго міра, ихъ могли считать и неопасными и неинтересными и не замѣчать ихъ, пока вслѣдствіе ли перенаселенности или внѣшнихъ толчковъ они не вышли изъ своего спокойнаго состоянія и не начали производить безпорядочныхъ набѣговъ на имперію.

Фактическое выясненіе главнѣйшихъ чертъ характера древнихъ славянъ помогаетъ намъ такимъ образомъ уразумѣть отношеніе къ нимъ ихъ сосѣдей, которые долго игнорировали ихъ. Помимо этого, образъ дѣйствій славянъ и ихъ характерныя черты облегчаютъ пониманіе многихъ событій и ихъ послѣдующей исторіи. Славяне, которымъ лишь въ самой незначительной степени присуща была практичность, способность къ настойчивому отстаиванію своихъ интересовъ, послѣдовательность, единство и порядокъ, много теряли при столкновеніяхъ съ своими болѣе практичными и болѣе безцеремонными сосѣдями. Не переставали они проигрывать и во все послѣдующее время, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе постоянно брали верхъ племена съ болѣе развитымъ практическимъ смысломъ, съ болѣе послѣдовательными и настойчивыми эгоистическими стремленіями, хотя бы и грубыми, и съ большею способностью къ организаціи.

40036